

ИЗ ДНЕВНИКА

Анжерка, 15 марта 1916 г.

Большой чёрный след шахтёрских сапог по свежему снегу. Я стараюсь ступать по следу. Мне это удаётся с трудом. Почти бегу за отцом. Отстать мне стыдно: ведь я большой – мне 14 лет и отец ведёт меня в шахту...

Сердце моё тревожно и радостно бьётся. Через час получу крещение: впервые буду в шахте, вместе с большими шахтёрами.

Я думаю о том, как буду рассказывать сверстникам, что видел под землёй. Я вижу завистливые глаза школьных товарищей. Думаю, о том, как Ваня Носков, сын кочегара, уже побывавший в шахте, пожмёт мне руку, как равному. Он хочет быть шахтёром, а Васька Гончаров, сын плотника, – инженером, Санька Шаталов, сын машиниста, – полководцем. Мы вместе учились в начальной школе, вместе после уроков играли в разбойников в большой глубокой канаве. Там же в канаве, буйно заросшей крапивой, мы проводили наши тайные совещания, обсуждали планы сражений, затевали детские игры...

Вот и шахта № 7. Сердце вздрогнуло, заняло в груди.

Мы входим в раскомандировочную. До гудка осталось несколько минут. На полу, на подоконниках, поставив около себя лампы и кайлы, расположились шахтёры. Они курят. Махорочный дым плавает в тусклом отблеске дня. Смех, говор.

– Будя чудить, айда, сейчас загудёт!

– Дай-кось курнуть напоследок!

Разошлись. Опустела прокопчённая раскомандировочная. На полу остались плевки, окурки, мусор.

Мы вышли на улицу. Обдало холодом. Пыхтит паровая подъёмная машина. На эстакаде у ствола шумно. Не успевшие спуститься шахтёры перекидываются словами с откатчицами. Поблёскивая зубами, чёрные откатчицы отмахиваются от шуток.

– Поди, лешак, не лапай!

– Не сердчай, Маруся, тебе Мишка кланяться велел.

– Ну?

– И ещё рябиной косолапой назвал.

– Врёшь?

– Ей-богу!

– Тук, тук, тук, – отсчитал удары сигнальный молот.

– Дзинь, дзинь, дзинь... – отозвалось где-то внизу в машинной. Рукоятчик приготовился. Над клетью лязгнули цепи, натянулся канат, клеть вздрогнула, приподнялась с кулаков. Рукоятчик проворно убрал кулаки, и клеть нырнула в жуткую тьму...

Рядом появилась вторая клеть. Мы входим.

Я, волнуясь, мысленно прощаюсь с белым светом. Над головой загромыхали цепи. Клеть поднялась, повисла на мгновенье над пропастью и полетела в бездну... Наши лампочки, от сильного движения воздуха, погасли. Мы остались впотьмах...

Через минуту клеть замедлила движение. Мне показалось – нас потянули кверху. Но это ошибочно, блеснули огоньки, клеть плавно спускается на нижние кулаки. Открывается решётка. Выходим. Мы под землёй на 90 метров. Сыро. Где-то

звонко журчит вода. При тусклом свете блестят сдавленные мигающие огоньки. Суетятся плитовые, поднимая съехавший с рельсов вагончик, грузённый углём.

Мы идём по главному штреку, длинному коридору. Над головой белеют заплесневелые брёвна-крепи.

Надо привыкать, сживаться.

Из чёрных пещер несётся глухой, неровный гул. Блеснёт где-то в тумане убогий свет лампочки шахтёра, и снова – темь.

Но вот гул усиливается, всё ближе и ближе. Мелькнул свет и стал приближаться. Мы прижимаемся к сырой стенке. С грохотом и визгом пролетели вагончики. Угольная пыль ударила в лицо.

Шли мы по штреку долго. Шли, сгибаясь, чтобы не стукнуться лбом о крышу, а потом свернули в боковую пещеру, называемую печью. Здесь стало ещё труднее. Надо было лезть по лестнице, под углом в 40 градусов. Я мужественно следую за отцом.

Обрадовался, когда впереди так неожиданно опять блеснул огонёк. Это был забой.

– Здорово, Афанасий, – сказал отец.

– Здравствуй, – устало ответил забойщик. Он бросил долбить, облокотился о стойку и вытер ладонью лоб. При тусклом свете лампочек лицо Афанасия казалось бронзовым, с большими впадинами глаз. Его рыжие усы переливались медным отливом. Он был рад, что пришла смена. Поблёскивая глазами, Афанасий заговорил о том, что норма велика и при всем старании её за восемь часов не осилишь. Уголь крепкий, кайлы плохие, лесу не хватает, крепить нечем...

– Чёртова работа, далее воды нет, – закончил Афанасий.

Воздух спёртый, дышать трудно. Вся моя радость прошла. Хотелось поскорее выбраться из этой мышинной норы. Я сел на кучу угля и вспомнил свои штреки и штольни, сделанные с

ребятами в больших сугробах снега. Там, правда, тоже темно, но воздуха больше, и никакой грязи и пыли.

А забойщик между тем продолжал:

– Плохо. Ничего не выработаешь. Нарубай-ка два с половиной вагона на этом пласту. А расценки нищенские, непорядки, корытки (санки) несчастные и те исправить некому. Распотеешь, пока корытку дотянешь к люку, пить охота, а воды нет. Наглотаешься угольной грязи из ручья, а после в кишках бурлычит. Многие от этого здорово животом маются...

Мы молчали.

– Ну, пора. Заговорился с вами.

Он ушёл. Отец молча принялся долбить уголь. Я взял лопату и начал бросать уголь в корытку. Болела поясница, хотелось выпрямиться, глотнуть свежего воздуха.

Выбрались мы на главный штрек через восемь часов. Здесь можно и отдохнуть, присесть на брёвнышко, снять сапоги, освободиться от мелкого угля, набившегося всюду.

У ствола холодно. Внизу, под клетью, роют колодезь, глубже зарываются в недра. Здесь человек работает по пояс в воде по 15 минут, а потом вылезает, глотает спирт, разогревается и снова лезет в студёную воду.

– Нет, я недоволен шахтой.

Спускается клеть. Сейчас мы выедем «на-гора». Нас провожают глухие раскаты взрывов. Это «запальщики» взрывают породу.

Мы наверху и ничем уже не отличаемся от окружающих – черны. Всё гудит кругом. Смена. Молодые и старые шахтёры с подведёнными, как у актёров, глазами, пошатываясь, спускаются по лестнице эстакады. Над головой в бездонном небе зажглись первые яркие звёзды...

10 апреля 1916 г.

Ночная мгла редет... Мигают звёзды, и медленно, словно нехотя, разгорается восток. Предутренний морозный воздух проникает сквозь неплотно пригнанные рамы окон бараков, дует в головы спящих на нарах шахтёров.

Длинный узкий барак с закопчёнными и засиженными мухами стенами и потолком, воздух дурной, спёртый.

В середине барака, уткнув голову в мешок, не раздевшись, спит Афанасий. Из полуоткрытого рта вырывается вместе с перегаром водки тяжёлое дыхание.

Выпил Афанасий после работы. Выпил, пошумел малость, а теперь спит, и нет ему дела ни до грязи, ни до воздуха. Он сейчас далеко, в родной Малиновке. Толстая тётка Аксинья, засучив рукава, ухватом вытаскивает из печи полуведёрный котёл с борщом и, красная от печного жара и хлопотливой работы, ставит котёл на стол...

– Вставай... вставай! – кричит дежурный. Он подходит к Афанасию, трясёт его за широкие плечи.

– Не проспи, Афоня, сейчас загудит!

Афанасий долго трёт опухшие, красные глаза, потягивается, спускает с нар грязные ноги, обматывает их рваным мешком и суёт в большие шахтёрские сапоги. Растрёпанный, заспанный идёт к столу.

За столом уже сидят шахтёры, глотая какую-то бурду. Афанасий вспоминает аппетитный жирный борщ, который только что видел дома. Афанасий кряхтит и ругается:

– Такое сварили, что собаки жрать не станут!..

Он режет ржаной хлеб, посыпает его солью и запивает горячей водой. Привычным жестом вытирает рот рукавом, встаёт из-за стола.

Гудит гудок...

1 августа 1916 г.

Лето на исходе. А мы всё ещё без работы. Сегодня Ванюшка говорит:

– Надо в механическую мастерскую податься!

– Ты же хотел быть забойщиком?

Он молчит. Мы идём в мастерскую.

Нас зачислят учениками слесарей. Рабочий день с 6 часов утра до 6 часов вечера с перерывом на обед. Заработок – 60 копеек в день.

Учимся мы урывками, в те редкие часы, когда станок или тисы свободны. Механическая мастерская работает на «оборону». Это означает: нет передышки ни людям, ни станкам. Учеников гоняют на подноске материалов, инструментов.

За день так набегался, что вечером едва волочу ноги...

20 февраля 1917 г.

Утром, до гудка, мы собрались в конторке механической. Токарь Ямковой, здоровенный мужчина, читает вслух газету и объясняет события. Он говорит о неминуемой гибели самодержавия. Нас интересуют эти разговоры. Ведь мы были совсем взрослые: мне 15 лет, Ванюшке – 16, мы уже многое понимаем.

«Если царь докатился до того, что всем управляет Распутин, не жди добра,» – говорит токарь Климов.

«Дело не только в этом, – отвечает Ямковой, – дело глубже. Суть во всей системе. Возьмём нашу мастерскую. Разве при такой неразберихе можно долго просуществовать? Нас эксплуатируют, грабят! Сами знаете, как задерживают жалование, да велико ли оно? Нет денег, нет материалов, – говорят нам. А это что значит? Такое явление не только в нашей мастерской... Это, значит, зашли в тупик. Где выход? Выход в революции, в прекращении войны...»

28 февраля 1917 г.

Ямковой был прав: пришла весть – «свергли царя». Мастеровые, а затем и шахтёры бросили работу. Радостные, весёлые разошлись по домам. Мы бегали смотреть, как разоружали полицию. Народу собралось много.

Я залез на крышу, отсюда было виднее. Вот выволокли за полы полицмейстера на середину ограды и начали снимать с него украшения. Кто сдирает погоны, кто стаскивает портупею. Женщины кричат:

– Попили нашей кровушки, будет!

– Убить его, гада, мало!

Полицмейстер стоит бледный, испуганно озирается и что-то тихо бормочет.

Потом полицмейстера кто-то ударил.

– Бить нельзя! Самосуда не допустим! – запротестовал какой-то рабочий.

Бить полицмейстера не дали, его увели в каталажку.

Та же участь постигла надзирателей, околоточных...

К вечеру собрали митинг на первой колонии. На митинг пришёл поп с хоругвями и иконами. Служили молебен. Пел хор. Ямковой был недоволен. Он говорил:

– Какая это революция?

30 апреля 1917 г.

Завтра Первое мая. К празднику начали готовиться за несколько дней. Нам с Ванюшкой поручили написать лозунг на первомайском знамени. Мы в восторге, горды сознанием порученного дела. Модельщик Полонянкин помогает. Он сделал раму, на раму натянул полотно, развёл краску, приготовил кисти. Нужно написать:

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СОЦИАЛИЗМ!

1-е МАЯ–

ПРАЗДНИК РАБОЧИХ!

На левой стороне надо нарисовать молоток и гаечный ключ. Работали долго. Напишем слово белилами на красном полотнище, отойдём на несколько шагов и любимся своим творчеством. Поправим непослушные буквы, и снова за работу.

– К вечеру кончить. Завтра демонстрация. Надо не подкачать.

Двери модельной поминутно скрипели. Мастерские приходили любоваться на своё Первомайское знамя.

– Да вы, ребята, настоящие живописцы! Году не прошло – два слова намалевали, – шутили рабочие.

В жестяно-слесарном цехе шла не менее важная работа. Из листового железа вырезались буквы, буквы наколачивались на раму – составлялся лозунг для фасада мастерской.

В других цехах убирали, чистили, украшали ёлками, готовили иллюминацию.

К ночи всё было сделано. Вспыхнули огоньки в лампочках, всё заблестало. Наступил праздник – особенный, небывалый.

Токарь Ямковой кратко подвёл итоги подготовки:

– Молодцы, ребята!

1 мая 1917 г.

Сегодня я проснулся рано, поспешно оделся в новое пальто и убежал в механическую мастерскую. К 8 утра все были в сборе. Пришёл фотограф, и мы снялись на фоне мастерской под нашим знаменем. А потом пошли на площадь, против мастерской, рядом с конторой. Народу собралось очень много – вся Анжерка. Негде было повернуться.

День был хороший – солнечный и тёплый. Из толпы было плохо видно, что делалось около трибуны. Мы ушли из рядов, залезли на крышу канторы и любовались небывалым зрелищем. Знамён было много. Люди, казалось, стояли в лесу...

Потом все пошли с песнями по улице на *десятую* колонию в Новую деревню, а затем – на Судженскую горку, навстречу судженским рабочим.

Встретились в поле. Кричали «ура» и бросали вверх шапки. Домой вернулся к вечеру, довольный и усталый.

14 мая 1917 г.

Митинги почти каждый день. И чего только на них ни говорят! «Каждый оратор врёт по-своему», – говорит мой отец. Кадеты, эсеры и прочие «революционеры» обещали учредилку, клялись в любви и верности народу. Но сегодня были шахтёрские собрания с выступлениями большевиков. Отец пришёл домой довольный. Он сказал:

– Дельное решение сегодня на всех митингах приняли шахтёры. В резолюции записали: работать по восемь часов, застраховать рабочих и отобрать землю в пользу трудового народа!

Мать недоверчиво посмотрела на отца и спросила:

– Насчёт хлеба что решили? Скоро хлеба будут давать досьта?

17 мая 1917 г.

Сегодня была антивоенная демонстрация. Ходили с песнями по всей Анжерке. Все пели:

*Вставай, поднимайся, рабочий народ,
Иди на врага, люд голодный!..*

На полотнищах написано: «Долой войну!» Демонстранты с оркестром духовой музыки ушли на Судженку. На Судженке состоялось открытие клуба и читальни.

23 июля 1917 г.

Вчера на Ивановской шахте (шахта 1-я), против механической мастерской, на Анжерке, открыли клуб. В клубе две комнаты друг против друга. На одной двери написано: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» На другой – «В борьбе обретёшь ты право своё!»

Мы часто ходим смотреть, слушать, о чём люди спорят!

Помню, на подмостки вышел рыжий шахтёр и стал ругать тех, у которых на дверях было слово – «обретёшь право».

– Какая это организация, если она подрывает доверие к большевикам? Они заодно с попами... И слова у них поповские – «обретёшь право!...»

Лицо оратора было знакомо, но я долго не мог вспомнить, где его видел. А потом, когда он вытер рукавом капельки пота на лбу, я вспомнил. Это был забойщик седьмой шахты Афанасий Бияков.

– Что нам дала эта революция? – спрашивал Афанасий у собравшихся. – Как была крепостническая кабала, так она и осталась. Загляните в наши бараки?

Все молчали.

Я не понимал, почему люди недовольны революцией – Ямковой, теперь Бияков. Разве они – за царя? А Бияков продолжал:

– Где рабочий контроль? Кто сидит в управлении? Прежние начальники! Михельсоновский управляющий Стрельников – кадет, директор оборонец – меньшевик Лебедев, заведующий техническим отделом – правый эсер, опять же Лебедев...

– Правильно! – крикнул кто-то.

– Где наши представители, где большевики? – охрипшим голосом продолжал допрашивать собравшихся Афанасий.

Но никто ему ничего не ответил. Много было непонятого. Я удивлялся: откуда такие слова у Афанасия?

Осторожно спросил Ванюшку о том, почему одних зовут большевиками; других – эсерами и ещё каких-то – меньшевиками?

Ванюшка авторитетно объяснил:

– Большевики – это те, которые хотят больше пользы для рабочих, меньшевики – поменьше, а эсеры – напротив, тянут за хозяев–буржуев... Понял?

Я утвердительно мотнул головой.

27 августа 1917 г.

Полгода, как свергли царя!

Как летит время!

Сегодня в клубе – праздник. Празднуют полугодовщину революции. Народу, говорят, было много. Из мастерской почти никто в клубе не был: у всех срочная работа.

12 ноября 1917 г.

Сегодня провели третье большое собрание. Из Петрограда получено сообщение об октябрьском перевороте. Из Томска приехали представители совета. Вл. Косарев (большевик) и Омельков (эсер).

– В Петрограде власть в руках советов, – говорил т. Косарев, – чего же нам ещё ждать?

– Это враки! – крикнули из группы эсеров.

Поднялся шум. На сцену выступил большевик М. Рабинович и при общей тишине зачитал резолюцию:

«Мы приветствуем новый революционный комитет, свергший контрреволюционное правительство, и настаиваем на немедленном переходе всей власти в руки советов!»

Против этой резолюции голосовали только эсеры.

25 декабря 1917 г.

Прошло больше месяца, но положение на копиях по-прежнему неопределённое. Противники советской власти – эсеры и меньшевики – продолжают стоять за учредительное собрание. Военские части и милиция пока ещё на стороне «учредилки». В Томске власть тоже в руках эсеров и меньшевиков: ждут решений 3-го Западно-Сибирского областного съезда советов. Этот съезд начался 15 декабря в Омске. На съезд уехали наши делегаты.

На копиях готовятся к передаче власти советам. Организована Красная гвардия.

2 января 1918 г.

Новый год встречали в нардоме. Я никуда не собирался, сидел дома. Пришли ребята и сообщили:

– Сегодня молодёжный вечер в нардоме, с танцами, встречают Новый год. Мы зашли за тобой.

На столе у меня лежала вырезка газетной заметки. Ребята обратили внимание. Один из них прочёл вслух:

«...В настоящее время на Анжерских копиях существует «кружок молодёжи» или, вернее, перестаёт существовать, потому что молодёжь неопытная и нет руководителя, а потому и получается, что не сегодня-завтра – закрывай клуб, но не нужно допускать до этого, нужно, чтобы наша молодёжь твёрдо и смело шла вперёд по пути самообразования. Теперь, когда всё в наших руках, когда все свободны, мы не должны падать духом, а должны бороться, идти вперёд, к заре просвещения. Нужны руководители для кружка молодёжи. Нужно найти таких сознательных и всё-таки идти вперёд, но не падать духом и не закрывать того, чего мы с таким трудом добились. Не нужно, чтобы и наши внуки были так темны,

как были прежде, то было время гнёта Николая II, а теперь наша светлая свобода».

Текст заметки я дословно, со всеми знаками препинания, переписал в дневник. Заметка всем очень понравилась, мы были довольны, что её напечатали в томской газете «Знамя революции».

В народом я не пошёл – у меня не было ботинок!

Под впечатлением новогодних настроений я написал:

Здравствуй, юный, неизвестный,

Здравствуй, витязь молодой!

Что несёшь ты, гость чудесный,

Что таишь за дальней мглой?

И вот сегодня «гость чудесный» принёс желанное. Сегодня, 2 января, власть перешла советам. Сегодня на многочисленном собрании выступил с докладом о решениях областного съезда советов наш делегат. Он сказал:

– Съезд постановил немедленно передать на местах власть советам!

– Ура!.. Правильно! – раздались нестройные голоса. В резолюцию внесли:

– Народное собрание распустить, власть передать советам и разогнать эсеровскую областную сибирскую думу в Томске.

«Мы, анжерцы, – говорилось в письме к Томскому совету, – с оружием в руках намерены ежечасно по вашему зову выступить к вам на помощь, чтобы бороться с контрреволюционными выступлениями каких бы то ни было организаций, идущих против власти советов!»

8 февраля 1918 г.

Токарь Ямковой работает в совдепе. Сегодня он пришёл в механическую мастерскую. В слесарном цехе открыли собрание. Тов. Ямковой сообщил:

– Совдеп решил ввести на шахтах и на предприятиях рабочий контроль. Совдеп вынес решение о всемерной поддержке советской власти, вплоть до применения вооруженной силы.

Все собравшиеся кричали:

– Правильно!..

18 июня 1918 г.

Давно не записывал. Не знаю, с чего и начать. Самое главное: 1 июня пала советская власть. Многих арестовали, в том числе Ямкового и Павлова. Собрания профсоюза рабочих, мастеровых и служащих вынесли протест против ареста членов профсоюза за политические убеждения, требуют немедленно освобождения арестованных. Но на эти протесты не обращают внимания. Продолжаются аресты и обыски в квартирах рабочих. Вчера отец сжёг какие-то книги. Мать очень боится и просит унести из дому все политические большевистские книги. Началось с того, что Томский губернский партийный комитет сообщил о подготовляющемся восстании эсеров против советской власти. Это было в конце мая. Анжерская и судженская партийные организации организовали рабочие дружины и послали их в Томск, в революционный штаб. Белогвардейское восстание в Томске было ликвидировано. Но в это время чехи захватили Новониколаевск и продвигались к Мариинску. Ночью гудели тревожные гудки, как на пожаре. Утром 1 июня чешский бронированный поезд прибыл в Анжерку. Много вооруженных винтовками шахтёров ушло в эту ночь защищать подступы к Анжерке. Но что могли шахтёры сделать против бронированных поездов?

10 июля 1918 г.

Аресты продолжают. Шахтёры забастовали. Они требуют немедленного освобождения арестованных.

13 июля 1918 г.

Сегодня шахтёры с красными флагами, с пением революционных песен двинулись на митинг. Митинг на Судженке. На горе, на площади, у церкви, собрались рабочие.

А из-под горы наступали эсеры с ружьями, с пулемётом. Они кольцом сжали площадь.

– Расходись! – кричали белогвардейцы.

С площади вышли несколько человек навстречу. Защёлкали затворы винтовок. Кто-то бросил гранату. Послышались крики, частая стрельба. Площадь опустела, остались только убитые и раненые.

Вот как «обретают» эсеры право своё!

5 августа 1918 г.

Глухим рокотом докатились в забои, в мастерские вести о расстреле шахтёров.

– Слыхали?..

– Слышали...

– Хороши, гады, с чехами заодно!.. Наши ушли в тайгу партизанить!

– Тсс... Идут!

Разговор меняется:

– Слышал, Вяльчиха двойню родила?

– Ха-ха-ха!..

– Ладно, расходись... что за митинг устроили? Слыхали приказ – больше трёх не собираться?

– Сейчас гудок. Марш по местам!..

Мы расходимся.

17 сентября 1918 г.

Белогвардейская контрразведка и чехи – полные хозяева. Слово «большевик» – теперь запретное слово. Каждый день

кого-нибудь арестовывают, порют... Вечерами – осадное положение. На работу ходят с пропусками. Жутко, тихо на копях. Сидим дома, читаем книжки. Профсоюз горнорабочих и библиотеку с первой колонии из нардома давно выселили в барак, на десятую колонию. Многие из профсоюза вышли. Остальные подозрительно и осторожно ходят в библиотеку. Библиотекарь – чернобородый Болдырев – говорит:

– Вот «Углекопы», роман Эмиля Золя – очень хорошая книга. Прочтите, скажите своё мнение...

Книг в библиотеке было мало, белогвардейцы много книг сожгли. На Судженке проживает старый знакомый Максима Горького, его бывший хозяин крендельной пекарни в Казани, по фамилии Деренков. Деренкова знают все шахтёры. У Деренкова своя большая библиотека. Мы часто бегали к нему и просили что-нибудь почитать. Книги он почти всегда давал, но с длинным и наивным предупреждением:

– Читай, но помни: кто не любит книгу, тот себя не любит, кто не дорожит книгой, тот не человек. Не загибай листов, вернёшь книгу в сохранности – ещё получишь, а нет – значит, не жди добра!

Болдырев, библиотекарь, узнал про книги Деренкова. Он пристал к Деренкову, просил пожертвовать книги для рабочей библиотеки. Но Деренков упрям. Он не хочет слушать Болдырева.

– Тогда, – рассказывает Болдырев, – я пустился на хитрости: попросил Деренкова сдать книги не в собственность, а для временного пользования, обещая вернуть их по первому требованию и лично ответить перед ним во всякий момент за сохранность книг. После некоторого колебания и уговоров, старик Деренков, наконец, согласился, и книги торжественно водворили в библиотеку.

– Этот пример, – продолжает Болдырев, – заразил и других. Почти ежедневно ко мне стали поступать пожертвования книгами и журналами от большевиков, от инженеров и даже беспартийных рабочих и служащих. Кроме того, нам удалось собрать денег на покупку книг. Таким образом, было собрано до 10 тысяч названий.

Первое время читателей было мало. Но постепенно шахтёры привыкли. Стали часто спрашивать книги на-дом. Одни сидели в библиотеке часами, не отрываясь от книги, а другие забегали наспех, брали нужную книгу и уходили. Уходили, вновь приходили, приводили других товарищей и знакомых. Популярность библиотеки росла с каждым днём.

– Шахтёры очень любят и ценят свою библиотеку, – всякий раз подчёркивал Болдырев. – Они даже в те тревожные дни, когда чешский броневик готовился обстрелять копи, прибегали в библиотеку и, чтобы спасти книги, предлагали разобрать их по домам. Надо слишком любить свою библиотеку, – повторил Болдырев, – чтобы думать о ней, когда под угрозой своя личная безопасность.

Теперь часто можно заметить группы шахтёров, о чём-то полушёпотом толкующих за столом, где были разложены газеты. На карте России и Сибири, висящей на стене в библиотеке, чёрные пальцы шахтёров отмечали все колебания фронта.

В библиотеке ночуют приезжие «гости», а иногда и живут в ней подолгу в качестве помощников библиотекаря.

6 января 1919 г.

К новому году в Анжерку приехали Санька Шаталов и Васька Гончаров. Они ушли добровольцами к Колчаку и теперь щеголяют английскими френчами, погонами. Выпивший Санька бахвалится:

– Подождите, ещё мы с вами поговорим! Мы знаем, на чью сторону гнёте!

Васька вторит:

– Расстреливать мы вас, по старой дружбе, не станем, а выпороть – будьте ласковы, постараемся!

Ребята загораются, лезут в драку. Спокойный Ваня Носков отговаривает:

– Не связывайтесь... Это же – «выродки» из рабочих... Разойдитесь, после виднее будет!

– Как ты сказал? Повтори! – вызывающе наседают Санька Шаталов. – Выродки – это вы, – потому что не защищаете великую Россию.

– Дура! – кричит кто-то из ребят. – Золотопогонники, предатели, изменники!

Мы уходим прочь.

Дружбе нашей настал конец. Теперь мы – враги.

25 апреля 1919 г.

Пишу урывками и с оглядкой. Тетрадь прячу на сеновале, боюсь, как бы не нарваться. Обыски, порки стали обычным явлением. Вчера, например, у нашего председателя союза горнорабочих Сая пьяный поручик Симонов чуть не пристрелил сынишку. Вышло это очень просто. Играл сын Сая с ребятами на огороде и нашёл в стаявшем снегу наган. Нашёл, обрадовался и давай по улице с наганом за ребятами бегать.

– Бах, бах, бах! – кричит.

А в это время Симонов ехал со своей ватагой. Увидел, остановил, лошадь, раскричался:

– Застрелю, мерзавец, где взял?

Подбежал запыхавшийся отец, стал просить за сына:

– Ваше благородие, глупый он, нашёл где-то и отцу не сказал.. Я-то ведь сейчас же бы вам принёс! Простите его, несознательный!

Симонов стегнул Сая несколько раз плёткой, сказал, чтобы завтра пришёл в контрразведку, и ускакал.

Сай теперь горюет:

– Что-то будет? А мы как раз сегодня заявление послали администрации копей и представителям чеховойск, что поднятие производительности труда возможно только при «свободной работе профессионального союза».

– Может, спьяна забудет?

29 августа 1919 г.

Вот и лето прошло. Год и почти два месяца, как «царствуют» белые. Молодёжь вся, включая 1901 год, мобилизована в армию, только часть успела уйти в тайгу, к партизанам. Скучно! Все наши кружки молодёжи ликвидированы. По воскресеньям у линии, за первой колонией, собираемся у костров. Приходят девушки, затеваем песни, игры. Как-то случайно зародилась мысль организовать драмкружок, профсоюз нас поддерживает. Руководить кружком берётся поляк Сицитский. Он уже договаривался с начальством. Как будто дело идёт на-лад, не возражают.

Чехи почти каждый вечер устраивают танцевальные вечера в нардоме. У них свой большой оркестр. Вечером веселятся, а днём, вместе с контрразведчиками, арестовывают последних большевиков. Вчера опять увели из мастерской, с работы несколько человек, но Сая не тронули, наверное, забыли!

На фронте положение белых незавидное. Из-за Урала нажимают красные.

1 ноября 1919 г.

В библиотеке проводим читку пьесы «Тернистый путь». Скоро будем ставить спектакль в нардоме. Мы уже поставили «На конспиративной квартире», – прошло здорово!

Начальник гарнизона, поручик Симонов, вечно пьян. Мы рады. Он не обращает внимания на драмкружок. Обычно

Симонов наши постановки не смотрит. Он приходит в народном навеселе, забирается в биллиардную, играет в «американку», и всё поёт одно и то же:

«О, дай мне забвенья, родная!»

Поёт и тыкает кием под шар в сукно...

12 ноября 1919 г.

Вчера пьяный Симонов сидел в первом ряду партера. Шёл второй акт пьесы «Тернистый путь». По ходу пьесы сельский учитель произносил монолог:

– Потерпите, мужики, недолго осталось кулакам-мироодам пить кровь! Скоро придут... другие времена...

Симонов соскочил со стула, что-то крикнул диким голосом, выхватил наган и выстрелил вверх.

Упал занавес. В зале поднялся шум, крики. Все бросились к выходу. «Артистов» вместе с руководителем Сицитским отправили в милицию.

Только к утру нас отпустили домой, отобрав подписку о том, что мы больше в таких пьесах не будем играть.

15 декабря 1919 г.

Ура!

Белые катятся неудержимо. Что ни день – фронт ближе и ближе. Мороз, тиф помогают доканать отступающих. Здорово!

Вдоль железной дороги тянутся бесконечные подводы, ныряя в ухабах. Крестьянские розвальни нагружены бочонками с маслом, мануфактурой, кожей. Это из Томска белые вывозят добро к Мариинску.

Мы бегаем на станцию. Всюду по дорогам трупы лошадей. На путях – потухшие паровозы. В теплушках-вагонах копошатся шинели. Вот из двери высунулось опухшее лицо

солдата в прожжённой шинели, в обгоревшем валенке на ноге. Хриплый простуженный голос:

– Два фунта хлеба за отрез английского сукна!

За ним вылезит другой:

– Вот френч новенький за полбуханки хлеба.

Около вагонов суетятся торговки, барахольщики, шумят, торгуются.

– Ты на пуговицы, тётка, глянь – английские, с львами, медные! – умоляет солдат. – Одни пуговицы сколь стоят!

Отвоевались белые...

Солдаты уходят от белых. Некоторые бросили теплушки и пошли работать в шахту.

В нардоме полно солдат, спят вповалку. На биллиарде, на зелёном сукне, прожжённые круги от чайников. Обедают тоже на биллиарде.

19 декабря 1919 г.

На десятой колонии в библиотеке какое-то совещание. Сай, Болдырев, Абрамов и другие незнакомые часто выходят на улицу и посматривают: «Не едет, не идет ли кто?»

Но кому быть? Начальник гарнизона Симонов, начальник милиции Сапрыгин давно удрали. Замечательно, что вместе с ними уехал из механической мастерской наш кладовщик Георгий Титов и техник Ян Чубальский. Оба оказались провокаторами-предателями. Это по их сообщениям арестовали токарей Ямкового, Павлова и других. Гады!

Заодно с ними оказался и начальник копеек Зюзикевич, он удрал ещё раньше, в отдельном вагоне на восток, якобы за материалами для коней. Аптекарь Бойчевский тоже работал в контрразведке, у него в доме жил Симонов. Конечно, он не рискнул остаться, бросил и собственный дом...

По улицам движутся подводы отступающих. Им нет никакого дела до того, что творится вокруг. Им бы только переносить...

чевать и двинуть дальше. По баракам ходит квартирмейстер и записывает на дверях мелом: 10, 12, 15. Это количество людей на ночёвку.

Полночь.

Туман и дым заволокли звёзды. Стоит лютый мороз, а на улице людно. Скрипят полозья, фыркают лошади, кричат люди.

И откуда их столько? Вот уж который день движутся, движутся без конца.

К нам в квартиру входит офицер с женой. Денщик вносит масло, коньяк. Кабур с наганом со стуком ложится на стол.

– Больше сюда никого не пускать! – говорит офицер денщику. Офицер раздевается, помогает раскутаться жене и все вещи сваливает на кровать.

– Хозяйка, подавай обед! – повелительно, но сдержанно обращается офицер к матери. – Заплатим!

На стол летят керенки-сороковки.

– Мы отступаем только до Мариинска, запомните, – зачем-то объясняет офицер.

Утром офицер сказал:

– Одну лошадь оставляю вам!

– Спасибо, но нам кормить нечем! – осторожно сказал отец.

– Меня это не касается. У меня у самого корму нет. Я вернусь и спрошу с вас эту лошадь! Прощай, хозяйка, – сказал офицер с каким-то непонятным вызовом.

Утро 20 декабря 1919 г.

Туман поднялся.

Выглянуло солнце. Засверкал свежий снег. Казалось, бараки выпрямились, лихо заломив свои крыши-папахи.

Тихо...

Но вот из-за горы показалась конница. На копьях – красные флажки, на папахах седоков красные ленты. Едут шагом и поют. На полотнище лозунг:

*Мы путь земле
Укажем новый,
Владыкой мира
Станет труд!*

По зову гудка, долгому и частому, шахтёры собрались в нардоме.

В фойе, в читальне, встретились люди, потерявшие друг друга.

– Тишка! Ты ли, чёрт полосатый! – весело, возбужденно встречают шахтёры партизана Головатова Тихона.

– Смотри, и Андрей... Афанасий... все здесь!.. Вот это здорово! А мы считали...

– Афоня! – кричит старик-шахтёр и бросается в объятия плечистому, обросшему рыжей бородой Биякову.

– Как же ты, сынок? Мы прослышали...

– Враки!.. А вот и Тихон! – старик усиленно трясёт ладонь смущённого Тихона.

– Как же спасались-то? Рассказывайте!

– Да и рассказывать нечего, – отвечает Афанасий. – Жили на пасеке за Анжеркой, у самого моста через реку.

– Да как же это у самой дороги? – снова недоумевает старик.

– Очень просто – смеётся Тихон. – Вырыли с лета большую яму, как в шахте, укрепили её, сверху оставили лазейку, остальное заделали брёвнами, засыпали землёй, накопили пасечнику сена и стог поставили на яму. Через стог у нас наблюдение было, а ход прокопали из лога, из кустарников... Здесь мы и отбили арестованных большевиков...

– Дело было ночью, – подхватывает рассказ Тихона Афанасий – луна вышла, мы приготовились и ждали. Нас пред-

упредили, что за Анжеру поведут наших... Офицера убили, а солдаты – кто куда, дай бог ноги...

– Здорово! – торжествует старик. – Мы тоже не зевали, Тиша. У нас на каждой шахте свои были расставлены. На одной электрической было наших двенадцать и все с гранатами... Ну, да ничего, обошлось всё по-хорошему. Некому было пакостить, главари первыми удрали, а тут напослед шли одни солдаты. Много их осталось, не пошли дальше...

Звонок призывает собравшихся в зал. Обрываются разговоры, занимают места. Представителя пятой армии встречают оглушительными криками:

– Да здравствует наша доблестная и непобедимая Красная армия!

2 января 1920 г.

Организованы ревком, милиция, военкомат и другие советские учреждения. Нужны секретари, регистраторы. Мобилизуется рабочая молодёжь.

Наступили горячие дни, дни творческой работы.

Нужно было восстанавливать всё заново. Каждый вечер собиралась молодёжь, организованная уже в комсомол. Ваня Носков был инициатором. Он распоряжался.

– На каждой шахте создать ячейку комсомола. Организовать молодёжь на субботник.

И молодёжь с песнями шла на погрузку угля.

Я работаю теперь на электростанции.

На днях нас вызвали и сказали:

– Товарищи монтеры! На улице мороз 40 градусов, – это верно! На мельнице нужен ток высокого напряжения, иначе рабочие останутся без хлеба – это тоже верно! Надо, несмотря на мороз, работать день и ночь. Согласны?

– Согласны, – хором ответили монтеры.

Мы сильно мёрзли, пили спирт, копали ямы, ставили столбы, тянули дальше линию высокого напряжения. Сегодня закончили работы. Завтра пустят ток!..

1 мая 1920 г.

Дневник забросил совсем – некогда, захлёбываемся в работе. Решили к первому мая провести в квартиры рабочих электрический свет! Ну и сделали. До сих пор шахтёры жили впотьмах. Вчера вечером собрались в бараке женщины и допрашивают:

– Неужели гореть будет?

Шуму, крику, радости, разговоров хватило на весь вечер, когда одна бабушка повернула выключатель и электролампочка вспыхнула ярким светом.

Сегодня двойной праздник на копях: Первой и выход в свет первого номера своей, рабочей газеты – «Коммуна».

«Святую весть освободенья, коммуна, в мир неси скорей!» – красными буквами лозунг в первом номере шахтёрской газеты.

Газеты берутся нахрап, зачитываются шахтёрами до дыр. Горячее участие приняли в газете шахтёры. Здесь родились первые рабкоры. Пережив весь произвол колчаковщины, они мозолистыми руками писали:

«Только советская власть – самая справедливая власть на земле. Только в той стране, где власть в руках пролетариата, хорошо рабочим и крестьянам!»

На демонстрацию вышли все старые и малые. День был тёплый. Снова ходили на Судженскую горку, как в 1917 г. На горе устроили массовые игры, танцы. Гуляли допоздна, а потом вечером молодёжь играла в хоровод у костров. Домой вернулся уже ночью. Завтра мы работаем.

1 мая 1921 г.

Промелькнул ещё год. Снова Первомай. Сегодня встал рано. Лохматые, с проседью облака ветер растрепал, разбросал за ночь по небу. Брызнув ослепительными лучами, солнце обшарило горизонт. Убедившись, что не осталось ни одной пасмурной складки, весело и важно выплыло на синеву.

Протяжный резкий гудок приветствовал солнечное утро. Заскрипели двери шахтёрских бараков. Разбуженные шахтёры выходили на улицу, сбрасывали рубахи и плескались студёной водой у крыльца.

– Ну, и денёк же выдался, кто бы мог подумать! Вечером-то какая плохая погода была!

– Да, денёк на редкость... А ну-ка, плесни мне на шею, – говорил, умываясь, грузчик Кузин. В такую погоду весело и работать, не замечаешь, как время летит.

Кузин, молодой грузчик, первый активист на седьмой шахте, член шахтового комитета, на собраниях выступает, в артели грузчиков пользуется популярностью и авторитетом. Родился и вырос он на коях. Отец его, старый забойщик, гордился сыном.

– Не подумайте, что университет проходил – сам дошёл!

При Колчаке Кузин был партизаном, в тайге орудовал вместе с Бияковым и Тихоном Головатовым. Отца колчаковцы-каратели не раз пороли за сына. Не выдал.

– Ну, Кузя, не подкачайте сёдни для субботника. Двадцать американок седьмой шахте подать надо.

– Ладно, отец, не беспокойся. Для первого мая постараемся...

Через полчаса отец и сын, весело разговаривая с соседями, спешили к шахте, первый в забой, второй – на погрузку.

С лязгом, с грохотом вереницей тянутся вагончики с углем, по эстакаде до опрокидывателя. В опрокидывателе вагончик

быстро переворачивается вверх дном, и блестящий крупный уголь с шумом сваливается на конусообразную гору.

Гора быстро растёт и также быстро садится. Проворные руки грузчиков подхватывают на лопаты чёрные кристаллы и сбрасывают в тачки. Молодёжь, всё больше комсомольцы, весело везут нагруженные тачки и поспешно закатывают в большой американский вагон. Паровоз-толкач не дремлет: по сигналу старшего, отталкивает гружёные американки, подставляет свободные.

– Покурим, ребята! – раздаётся команда Кузьмы.

Потные, с вымазанными угольной пылью лицами, вдохнув полной грудью свежий воздух, подсаживаются ребята к Кузьме, вертя «козьи ножки».

– А сколь время?

– Девять.

– Ого! За три часа семь вагонов... Здорово!

Солнце греет по-летнему. Ветерок ластится у ног отдыхающих. Распоясались. Развалились на гряде чёрного блестящего золота, Кузьма говорит:

– Вот, ребята, и покумекай теперь, что значит коллективизм? Три часа – семь американок, не баран начихал, а ну-ка – один попрыгай!.. И так во всяком деле: порознь ты букашка беспомощная, а вместе, – сила. А если во всём мире, по всей земле этих «букашек» заодно слить! Так ведь мы весь земной шар переделаем... Погоди, будет это время! Нашу Анжерку мы переделаем, дворцы построим, сады насадим... Работать будем крепко!..

Цыгарки докурены. Разговор оборван. Гора угля упёрлась под верх эстакады.

– На-чи-най! – режет воздух крик Кузьмы.

Ещё быстрее, ещё проворнее замелькали лопаты, чаще забегали тачки. Под тёплыми лучами майского солнца, обо-

дренные радостными словами Кузьмы, мы работали, не зная устали.

Гора чёрного золота садилась...

Вечером был многотысячный митинг на площади. Усталые, но удовлетворённые шахтёры и мы, молодёжь, слушали оратора, который говорил о всероссийском первомайском субботнике.

– Правильно! Без других справимся и наладим своё хозяйство. Не пойдём буржуям кланяться, без них обойдёмся!
– говорили шахтёры.

21 января 1924 г.

Тихие сумерки. Белыми, с позолотой, столбами тянется кверху дым из бараков. Протяжный, охрипший гудок.

– Надо на собрание. Где мой полушубок?

Рассыпной шеренгой тянется медленная вереница рабочих в клуб.

Зал клуба переполнен. Неумолкаемый шум и гул собравшихся шахтёров.

– Пять тысяч народу ахнули в тот день...

– Ни пять тысяч, а полторы тысячи убитых и больше пяти тысяч раненых, – вносит поправку сосед.

На сцене появляется докладчик. Наступает тишина.

– Товарищи, в самом начале 1905 г. произошло событие, названное «кровавым воскресеньем». В этот день...

Медленно, говорит оратор. Всюду, в зале, в фойе, его слушают внимательно. Кровь расстрелянных стучит в сердце каждого....

Тихо в зале.

И вдруг голос, полный скорби, нарушил тишину:

– Товарищи! Умер! Умер Ленин!..

На улице ревела сирена, будоражила копи.

– Неужели нет с нами больше Ильича?
– Клянёмся быть преданными делу революции и делу нашего незабвенного учителя и товарища Ленина! – раздались громкие голоса с мест.

Зал поднялся.

– Клянёмся! Клянёмся! – повторили все.

– Клянёмся! – говорил каждый.

Ветер далеко разносил рыдание сирены:

– У-у-умер... Ле-е-нин... у-умер!

Тонут копи в трауре. Чёрные ленты на рукавах.

У трибуны – тысячи народу.

– Умер наш дорогой, величайший вождь Владимир Ильич Ленин...

Плачут медные трубы оркестров, воет сирена и к ним присоединяется печаль трудящихся...

Но вот раздаются коллективные возгласы:

– Твоё дело, Ильич, клянёмся, завершим! Справимся!

12 декабря 1934 г.

И точно, справились. Одиннадцать лет прошло со дня смерти Ленина. Большой путь!

Сбылись и слова Кузьмы, сказанные 13 лет назад на Первомайском субботнике: Анжерку переделаем, да ещё как! От старого осталась только высокая труба электростанции. Эту трубу в 1904 году выстроили бельгийцы. Всё остальное вытеснило новое. Выросли шахты-гиганты: на Судженке – 5–7, на Анжерке – 9–10, шахта 15 и 15-бис. Деревянные копры сменили ажурные железные и железобетонные громадины. Шахты оборудованы по последнему слову горной техники: врубовые машины, конвейеры, электровозы, отбойные молотки.

Анжерка и Судженка теперь – это рабочий город: Анжеро-Судженск. И нет между рудниками четырёхкилометрового

разрыва. Шоссе, прямое, застроенное домами для рабочих, магазинами, хлебозаводом, – соединило два рудника в один город. По шоссе ходят автобусы.

Мы входим в большое здание, раскомандировочной шахты 9–15.

Коридор. На дверях таблички: «Красный уголок», «Библиотека-читальня», «Баня-мойка».

До смены осталось полчаса. Заходим в библиотеку-читальню. Столы с красными скатертями завалены газетами, журналами. В углах цветы. На стенах портреты, диаграммы, таблицы, лозунги. Чисто, светло, уютно. Шахтёры читают. Тишина.

Звонок. Шахтёры встают, сдают книги. Идём следом. Шахтёры заходят на минуту в комнату с вывеской: «Баня-мойка», снимают чистое бельё, одевают спецодежду и хрустящие брезентовые костюмы. Готовые к спуску, шахтёры получают аккумуляторные лампы. И через тёплый коридор, соединяющий раскомандировочную со стволом шахты-гиганта, идут на клеть.

– Где же прежний традиционный вагонный буфер с сигнальным молотом, извещающим о подъёме и спуске клетки?

– Его давно нет. Световая сигнализация, телефон заменил сданный в музей сигнальный молот.

Вспыхивает сигнальный красный огонёк, дребезжит электрический звонок. Рукоятчик нажимает кнопку – сигнал в машинное отделение. Клеть плавно опускается, неслышно скользит вниз.

– Где же вагончики с углём?

– Ого, хватились! – объясняет рукоятчик. – Это было давно... Теперь уголь подают из шахты скипом по специальному стволу 15 шахты, а здесь мы спускаем и поднимаем только людей...

Электрическая подъёмная машина тем разнится от паровой, что она спускает клеть без рывков, плавно, равномерным ходом. Электромотор подъёмной лебёдки не позволит прежних шалостей: «качнуть» с ветерком так, чтобы лампы погасли, как это было в старину на паровых машинах. Электрическая лебёдка – точная машина и никаких отклонений не позволяет, количество оборотов мотора строго рассчитанное.

Большая клеть, похожая на подъёмный лифт, поднимает теперь вместо прежних 4-ёх человек – 40.

Мы незаметно и тихо спустились в шахту. Площадь, так называемый шахтовый двор, залита электрическим светом. Свод бетонирован и поэтому теперь здесь сухо.

В разные концы разбегаются шахтовые улицы – главные штреки.

Проходим узким коридором к скипу шахты-гиганта 15. Заглядываем в ярко освещённую комнату.

– Что это?

– Медицинский пункт первой помощи.

В комнате сидит в белом халате дежурная сестра. Пол вымыт, закрыт половиками, стены чисто выбелены, кушетка заслана простыней. В белом шкафе, за стеклом блестят хирургические инструменты, склянки с медикаментами. На стене телефон.

– В любую минуту, из любого участка шахты могут позвонить, – объясняет бригадир, – сестра приготовит всё необходимое, пока больного довезут сюда, а если понадобится, вызовут врача, он дежурит наверху.

Идём дальше. Ствол шахты. Большие двухтонные вагончики, по два сразу, вталкиваются в барабан. Нажимается рычаг, и барабан перевертывается, а вместе с ним и вагончики. Уголь высыпается вниз в бункер. Электровоз подаёт новый поезд с углём.

По крутым каменным сырým ступенькам спускаемся в глубину бункера. Ступеней больше сорока. Здесь нет людей – их заменили приборы-автоматы. Механизмы работают самостоятельно. Спускается по стволу левый скиповый ящик, нажимает своей тяжестью на перекладину, натягиваются железные рычаги, открывается люк и точно, до отметки, автоматически, ящик наполняется углём. Сигнал – на-гора. Скип бесшумно ускользает вверх. Через полминуты спускается правый скиповый ящик. Повторяется та же автоматическая загрузка.

Чётко работают механизмы.

Переходим в большое помещение камеронов – мощных электрических насосов. Высокая комната выбелена и тоже залита ярким светом. Завяжи человеку глаза, спусти его сюда, под землю, на 150–200 метров. Заведи в камерную или медпункт, открой ему глаза и скажи: «Ты под землёй, на глубине 200 метров». Он не поверит. Слишком здесь хорошо: прекрасные блестящие машины, стол с лампой под зелёным абажуром, на столе свежие газеты!

– Кто же и когда их читает?

– Дежурный моторист, в перерывах между откачкой воды из шахты!

– Однако пора в забой!

Мы покидаем подземный красный уголок, идём на главный штрек. Здесь, как в большом шумном городе. Электрические, маленькие шахтовые трамваи – электровозы – снуют взад и вперёд. Двухколейный путь, блестя рельсами под гирляндой электрических лампочек, уходит вдаль и теряется за поворотом. Но вот сверкнул глаз электровоза, звеня и громокая, пронесится поезд с вагончиками, гружёнными доверху жирным углём.

В забое тоже электрическая лампочка. Отбойный молоток, стальной забойщик, подкалывает пласт угля.

– Кайлы? Кайлы, столько портившие крови забойщику, где они?

– Они тоже – кандидаты для сдачи в музей. Пневматический отбойный молоток заменил сотни быстро ломающихся, непроизводительных кайл, а так называемые корытки уступили место электрическому конвейеру.

– Что делает забойщик?

– Он управляет машинами, а его помощник сбрасывает наколотый уголь на ленточный конвейер, и уголь течёт в люк, из люка на главный штрек, в вагончики электрифицированного поезда.

– Революция под землёй!

– Да. Но это только начало, – отвечает молодой районный штейгер.

Он спешит к телефону, он говорит с зав. шахтой, сообщает ему положение на участке, затем звонит из-под земли домой, на квартиру, и говорит:

– Катюша! Это я, Глеб, из шахты. Подбери мне, пожалуйста, номера газеты «Борьба за уголь», за прошлый месяц. Что? Нужно... Да, да... Скоро... Нет, не задержусь!..

Я хожу по старым, издавна знакомым, близким и родным местам, но ничего не могу узнать.

На горе, за Новой деревней, мы в детстве бегали за грибами, за малиной. Теперь здесь площадь с огромными многоэтажными корпусами – больница. За Анжерой была тайга, в которой скрывались когда-то партизаны, а теперь там – рабочие кварталы новых домов с большими окнами. В центре, против ЦЭС, гигант – Дворец горняка, кино, клубы, школы, да какие школы! С огромными окнами, с водопроводом, с паровым отоплением, а не прежние, полусгнившие, жалкие бараки.

Я хожу и повторяю:

– Нет старой дореволюционной Анжерки. Есть новый советский город – Анжеро-Судженск.

Поезд несётся вперед. Я стою в вагоне у окна и смотрю через холодное стекло.

Ночь и выпавший снег обняли шахты. Тысячи огней переливаются на семь километров. Это искрится переливчатым светом Анжеро-Судженск.

В центре – светящийся гигант-шахта 15 борется сотнями ламп с ночной тьмой. Правее – гигант шахта 5–7, имени Кирова.

Среди ночных железобетонных корпусов, подсобных зданий – прожектора огромной ЦЭС. Глубоко в ночь ползут ярко-жёлтые лучи, режут сгустившуюся темноту.

Я знаю, что в самом здании ЦЭС, на замасленных фундаментах сейчас спокойно и мощно жужжат сильные турбины в чёрных полированных кожухах.

У главной мраморной распределительной доски – дежурный электротехник. Его рука на регуляторе, глаза следят за стрелками приборов.

В машинном зале, с ярко начищенным паркетом, деловито ходит дежурный. Вот он поднимает руку, даёт сигнал электрику: – Даёшь контакт!

На мраморной доске вспыхивают голубоватые искорки. Рубильник включен. Из ночной тьмы, как в сказке, вынырнули новые тысячи огней. Ночь играет световыми тускло-жёлтыми столбами...

Горят огни нового города!

Они будут гореть ещё ярче!